

ЭНЕРГЕТИЙНОСТЬ (текста) - то качество, свойство, которого так недостает современной литературе, а, возможно, и другим видам искусства.

Энергетийность - абсолютно новое понятие, еще не ставшее термином и сохраняющее в себе и образность, и эмоциональность. Его появление связано, как ни парадоксально, с его отсутствием как качества современных текстов. Перед нами - типичный "минус-прием" (по Ю.Лотману), осознаваемый почему-то критикой как дефект. Слово "энергетийность" (как синоним - "энергетика текста") появилось в критическом дискурсе, к которому весьма нередко прибегают сегодня сами художники. Так М.Айзенберг замечает, что энергетика маловато в современной поэзии, В.Ерофеев сетует на отсутствие энергетийности в современной литературе в целом. При этом оба сопоставляют литературу с рок-музыкой, которой энергетика как раз не занимать. Виктор Ерофеев приравнял одного Пушкина к четырем "битлз", а четыре современных поэта, по его мнению, увы, не тянут даже на одного из ливерпульской четверки. Что же стоит за таким одновременно неопределенным и очевидным понятием, как энергетийность текста, или его энергетика?

На мой взгляд, "отсутствие энергетийности" - обозначение некоторой рыхлости современных текстов, когда личностное высказывание тонет в цитатах и аллюзиях, когда каждой стилиевой конструкции выставляется противовес, из-за чего всякий прием лишается убедительности. Сюжет произведения, если взять его в тыняновском понимании как "движение стилиевых масс", утрачивает направленность, авторская воля к конструированию некоего завершенного и целостного образа мира ослабевает. С другой стороны, энергетийность текста всегда связана с авторитетностью авторской точки зрения, с демиургической самоуверенностью его создателя. Если же автор осознает себя плешником трансперсональных структур и архетипов, то о его конструктивной активности и речи быть не может. Современный художник скромнее и интеллигентнее, он постоянно оглядывается на чужое слово и чужое сознание, а воля к власти для него неактуальна и даже брутальна. Если и возникают энергетические взрывы, то как проявление деконструктивного "пафоса", демонстрирующего ограниченность, условность любого вида дискурса. Таковы, например, тексты В.Сорокина,

сам сюжет у которого строится как энергичный прорыв вялого и мертвого стиля.

Энергетийность рок-музыки (по-моему, тоже уходящее качество) связана со многими ее родовыми особенностями, но прежде всего с авторитетностью интонации, с желанием утвердить в качестве ИДЕАЛА ценности, осознаваемые официальной культурой как низовые. В то же время рок-музыка открыто и наивно-пафосно использует структуры коллективного бессознательного. Она по своей природе ритуальна, всегда больше, чем просто искусство.

Не думаю, что литература, искусство легко вернут себе авторитетное слово - основу энергетика текста. Энергия деконструкции тоже, на мой взгляд, иссякает. Искусству сегодня не хватает креативной убедительности, ошеломляющей новизны образа мира, хотя бы на

уровне композиции культурных моделей. Что-то подобное намечается в текстах В.Пелевина.

Иногда энергетийность трактуется не только как неблагоприятное качество, но даже как УСЛОВИЕ выживания литературы. Обрести энергетийность при этом предлагается на путях интерактивности художественного письма. Текст может строиться как принципиально многовариантный, имеющий множество авторских позиций и точек зрения, которые актуализируются читателями самого разного пошиба. Например, один видит текст как детектив или мелодраматическую историю, другой как зашифрованную мистический трактат и т.д. Тогда энергетийность текста

будет каждый раз рождаться заново в процессе его восприятия и в зависимости от уровня реципиента. Но в таком случае на уровне "идеального читателя", под которым в современном литературоведении понимают некую позицию, способную уловить ВСЕ коды, ВСЕ структуры текста, т.е. прочесть его в пространстве ВСЕЙ культуры, художественное творение снова будет неэнергетичным, рыхлым, ризомным. Единственное, на что можно надеяться: идеальный читатель идеален, то есть существует лишь в принципе.

И.Саморукова

Анатолий Зверев. Портрет Луизы. 1963. Грунтованный картон, смешанная техника. 48x33.